

КРЕСТЬЯНСКИЙ
юмористический журнал.

Издание газеты

== „БОРОНА“ ==

Адрес Конторы и Редакции:

Кострома, Советская 13.

Тел. № 3-64.

№ 11.

Н О Я Б Р Ъ .

№ 11.

НОВЫЙ БОГАТЫРЬ.

Взяв науку за молитву,
Где поля — сплошной пустырь.
Лихо выступил на битву
Новый Красный Богатырь.

Не копает конь копыгом,
Не кусает удила,
Да зато легла побитой
Векшая там...

Где проехали колеса
И ступал железный конь.
Много легче там живется,
Как не жили испоконь.

Вместо старых хат — палаты,
Где болота — там поля.
Стала щедрой, тароватой,
Морозная...

Вместо водки с самогонем.
Просвещается народ.
Несклоняется иконам,
Не несет попам доход.

Быстро таят мрака тучи.
Перед синью голубой.
Богатырь идет могучий

(Рассказ об Октябрьской Революции).

Накануне Покрова Поликарп Петрович получил письмо с фронта. Жирными, прыгающими сверху ввяз буквами, сын уведомлял, что у них в полку идет большое сомнение на счет власти. Приезжал-де из Москвы депутат, который, как на ладни, выложил, какие нынче порядки настали. Да и в войсках неладно. Слобода, слобода, а режим не хуже старого, одним словом, не знаю, кого слушать. Кричат, спорят, а кто прав, кто виноват—сам шайтан не разберет. Сам-же Иван Поликарпыч заявлял, что, по его рассуждению, власть не настоящая...

Поликарп Петрович долго вертел письмо заплявывшими пальцами, потом выругался, плюнул и хрипло крикнул в кухню:

- Парасковья!
- Иду, иду.
- Ну и поворачивайся, сало!

В комнату вошла пахнувшая прелым веником и капустой жена. Толстая, оплывшая—кисель-киселем, подстать мужу. Вошла и встала у стола.

- Аль дело какое, Петрович?

Тот недоброжелательно сощурил глаза и сердито мыкнул:

- Садись. Не в гостях, чай.
- Парасковья села.
- Помолчали.

— Чево посылать-то хочешь,—вдруг круто повернулся Поликарп Петрович.

- Кому? Не вдомек, чтой-то.
- Кому? Известно кому, недоноску-то...
- Иванушке-то—догадалась та: малица, яичек, ну да сдобнущечек еще... Чай, изголодался, сердешный, на царских-то харчах, утерлась Парасковья.

Поликарп Петрович опять поморщился:

— „На царских-то“. Дура,—чай давно я тебе сказал, что нет теперь царя. Будя.

— Ну и христос с ним—согласилась жена, наше дело бабье...

— То-то бабье. Языком трепать мастера, а слова путного не допросишься.

— Да чево случилось, Петрович?—изумилась Парасковья: аль в управе не ладно... Ревизия може, аль там...

— Не твоего ума дело,—оборвал Поликарп Петрович: не лезь с грязным носом, куда не след. Вон, послушай-ка, что твой-то сметанник пишет.

— Письмо получил—заторопилась жена: ну так чево-же ты моришь? Издумалась ведь я вся...

— Издумалась—передразнил муж—слова-то путного выбрать не можешь. С сыном-то два сапога пара. Лыком связать, через матицу перекинуть—не перетянете. Тот дубина до женихов дорос, а ума, что у воробья. Все как „люди“.

Поликарп Петрович встал. Это обозначало

слова, хотя ей страшно хотелось прослушать письмо сына.

— Чево-же он пишет-то, Петрович,—решилась Парасковья.

Петрович подошел вплотную, плюнул рядом со стулом, на котором сидела жена и бросил: — Пишет-то много, да путного-то на грош. Вишь-ты политиканствовать вздумал. Власть ему не хороша. А? Каково? Вишь мерзавец, а того и не подумает, каково это отцу слушать. Чай, отец-то из всех жил тянет, что-бы хорошо было. Не смей ему посылать ничего. Вот приедет какнибудь, чай дураков и пули не берут, отдубашу, как сидорову козу, будет знать. Против отца иди вздумал. Ну, а ты что скажешь сердобольная?—неожиданно обратился он к жене.

— Не понимаю я, Петрович, в этих делах-то. Ты уж ему пропиши все, да не забудь упомянуть что-б воскресную-то молитву с креста-то не снимал. Неровен час, пуля там, али бомба.

— Ну замолела—захохотал Поликарп Петрович: сало, как есть сало—поморщился он, надевая полушубок... У управу иду. Надо что, пошли за мной, а посылку-то погоды посылать, поманежить надо.

Вышел, тяжело стучая сапогами.

Парасковья из за косяка проследила, далеко-ли ушел муж, потом взяла письмо, посмотрела его, затем, с трудом поднявшись на лавку, положила письмо за божницу и, спустившись обратно, долго крестилась на иконы, безвучно шепча молитвы и вздрагивая не то от рыданий, не то от отдышки.

Поликарп Петрович,—председатель земской управы—может судить, может и миловать. Без бутылки самогону да без красненькой не подходи близко. Так уж с истари установлено. 9 лет был старшиной, многому научился. Мудреная наука в толк пошла. Два дома: один каменный, второй деревянный на все село. До войны красным товаром даже торговал, но взяли сына на войну—прикрыл. Рук нехватает. Да и сын выдался не в отца. Что ему ни говори, во всем свое рассуждение иметь хочет. Вот хоть-бы взять письмо. Отец председатель, можно сказать власть что ни на есть сельская, а тут вдруг: не настоящая, грит, власть. Ах-ты, сопляк паршивый.

К празднику приехали солдаты. Приехал и Поликарпов Ванятка.

Солдаты народ бедовый. Уехали серыми из нутра, приехали серыми снаружи, а уж до нутра сам царь Соломон не докопается.

Совсем иные стали

Едят не так, говорят не так и песни поют не такие. А думают что—никак ни догадаешься.

Утром в праздник старики в храм пошли, а они собрались около пожарного сарая да митиг устроили, а потом, как по православному обычаю пошли с крестным ходом, они возьми да и за-
тыли!

Отречемся от старого мира...

Вишь, ведь какие отчаянные.

Выглянул поп из алтаря, неодобрительно потряс бородой и не дождавшись конца обедни, позвал Поликарпа Петровича в алтарь и сделал ему отеческое внушение:

— Не подобает, Поликарп Петрович, вашему-то сыну такие песни во время богослужения распевать. Добрый воин должен пример подавать. Мерзкая и всеми осуждаемая песня в соблазн великий вводит православных.

Поликарп Петрович сердито почесал затылок: — Я, батюшко, его такие песни петь не учил, а коли услышу — спуску не дам, не посмотрю, что он солдат, выпорю что надо.

— Похвально, похвально. Отеческое внушение не вредно.

У Поликарпа Петровича — разливанное море. Все четыре комнаты полны гостей; в большой старший — тут и о. Николай, все члены управы, учитель и даже бывший урядник Лука Фомич, в другой комнате женский пол, а еще дальше Иван Поликарпыч с товарищами.

Толстая Прасковья Силантьевна с работницей едва поспевают угощать.

— Эй, вы там, пошевеливайтесь — покрикивает Поликарп Петрович.

— Собственно, в революции много хороших сторон — философствует учитель, кромсая пирог. Как вы думаете, Поликарп Петрович, — обращается он к хозяину.

— Вполне с вами солидарен, Анатолий Митревич — хорошая вещь эта самая... как ее? — Ну леворочия. Не наше, надо-быть, слово — то... Жидовское

— Французское — поясняет учитель.

— Ну, все равно, жид-француз — одно дерьмо. По нашему слабода — хорошая это штука. Особенно нашему брату. Вот, к примеру, я старшиной был. Всякий, так сказать, паршивый урядник... Ты не сердись, Лука Фомич, кивает он в сторону урядника... Всякий урядник, не токмо что земский, над тобой кочевряжился, а теперь... Слава тебе господи, некому. Заперли управу и крышка. Ха, ха!

— Хе, хе! — покатывается тщедушный секретарь управы Степан Гаврилович.

— Слабода, одно слово — подтвердил второй член управы, вытирая красное лицо таким же платком.

— Кушайте пожалуйста, о. Николай — подвернулась хозяйка: уж не обессудьте на нашу стряпню.

— Кушаю, кушаю, Прасковья Силантьевна, — мычит поп, таща одной рукой ножку гуся, а второй стакан. Кушаю уважаемая — добавляет он, посылая то и другое в рот.

— Да, нежесточная эксплуатация кончилась, мажет вилкой учитель. В жизни народа наступает новая эра. Твердо держите знамя — заканчивает он, втыкая вилку в жирный кусок свинины.

— Без религии революция невозможна — строго произносит поп.

— Ну, это оставьте, о. Николай — возражает учитель: две диаметрально противоположные науки.

— Без бога ни до порога — застывает толстый член управы.

— Старо, Елизар Матвевич. Советую прочитать Маркса — внушительно заявляет учитель.

— И Матфея, и Луку прочитал, а такого не видал — с достоинством отвечает тот.

Пир и веселая беседа длится до петухов.

висело ровно шесть дней, а на седьмой кудлатый сторож Панкратыч содрал его с остервенением и налепил другое:

„Занятия производятся“

Один по одному, члены управы собрались в „присутствие“.

— Я думаю дела-то не мешало-бы обмыть, а то запылились, чай — сострил Степан Гаврилович, вытаскивая из карманов по бутылке.

Поликарп Петрович ухмыльнулся:

— Догадливый ты секретарь, ну, а как насчет закуски?

— За этим дело не станет — сообщил тот и, юркнув в сенник, тотчас-же возвратился в сопровождении Панкратыча, который нес тарелку с куском хлеба, капустой и двумя огурцами.

— Пожалуйста — поклонился Панкратыч и, отойдя немного, заглянул в окно и как-бы про себя добавил:

— А надо-быть изменится погодка-то. Всю поясницу разломало.

Все захохотали.

— А не врешь? — спросил Поликарп Петрович. — Ну да ладно, черт с тобой, славный ты старик, вот только бог смерти долго не дает. Налей-ка ему, Гаврилыч.

— Подождет, не велика персона — ответил тот, наливая стакан: вот со старших.. Ну-ка, председатель, навались!

Тот выпил и закусил.

— Теперь твой черед, Михеич — обратился он ко второму члену.

Тот не замедлил последовать за начальником. Через 4 стакана очередь дошла и до Панкратыча:

— Ну, поминай царя Давида, — налил ему стакан Степан Гаврилыч. — Лакай!

Панкратыч осторожно взял стакан, перекрестился, поздравил начальство с прошедшим праздником и выпил.

— Что не закусываешь? спросил председатель.

— Не надо, вкус испортишь — серьезно ответил тот: а хороша зелена уточка — мотнул он на бутылку. Надо быть, сам гнал, Степан Гаврилович?

— Ясное дело — ответил тот.

— Оно и видно, мастер ты, одно слово, зелена уточка.

— Ну, не подговаривайся. Больше не получишь — строго заметил секретарь.

— Да я что... я ничево...

— Ну, то-то!

— Ну, кончайте — встал Поликарп Петрович. Сколько время-то? — спросил он секретаря.

— Скоро час.

— Надо заняться. Кто там ждет? — спросил он Панкратыча.

— Да Орина, Микшкин, уж часа два, надо быть, сидит: пособие, говорит, получить — должил тот.

— О пособии на той неделе. Скажи, что еще деньги не получены.

— Потом еще там одна.. Муж побил на праздниках и из дому выгнал.

— Муж? Так нам какое дело — удивился председатель — Прогони и ее. Как дрались, так пусть и разбираются. Правда, что-ли, господа члены?

— Истина — подтвердил Михеич.

— Милые бранятся, только тешатся — сонно сказал толстый.

— Баб не бить, так почитать не будут — вставил секретарь.

— Верно — заключил председатель. — Что у тебя есть? обратился он к секретарю.

— Да на очереди дело об огородах. С весны еще тянется. Вот я сейчас начал выслушивать...

Объявление на волостной управе:

Занятия прекращены

Пронлятое число. Сорву — все же легче будет.

обложке. Да куда же оно запропастилось? Наверно, в столе. Нет и тут. Панкратыч!

- Ась—откликнулся тот.
- Ты не видал тут дело в красной обложке.
- Еще на нем нос нарисован?
- Во, во
- Отлично-с помню. Только, надо быть, еще

летось вы меня за селедкой посылали, так я его тово...

— Разве... Вишь ты.
— Употребил, значит—расхохотался Поликарп Петрович: ну да ладно. Я думаю, господа члены, после праздника-то не след много заниматься. С исподволь оно лучше.

- Оно пожалуй.
- Так не пойти-ли допить? А?
- Не плохо..

„Присутствие“ закончено.

Утром ни с того ни с чего, ветхий колокол зазвонил торжественным набатным звоном. В свежем осеннем воздухе далеко летели хриплые захлебывающиеся звуки, торопились, замирали и вновь вырывались из под гнилой крыши колокольни, что-б вновь замереть далеко, далеко.

Перепуганные физиономии, на лету пары две слов:

- Пожар?
- Не видно.
- Чего-же там?
- Айда к церкви, узнаем!

А там у церкви уже собрался народ. Несколько солдатских шинелей резко выделяются на общем фоне черных пиджаков и полушубков.

- Чего у вас?
- Погоди, сейчас скажут.
- Новости—что-ли-ча.
- Даром не звонят.
- Выкладывай!

Забравшись на церковную решетку, Иван Поликарпыч долго не мог перекричать толпу.

- Граждане—мужики!
- Ну говори, чего случилось.
- Случилось, граждане, важное. Временное правительство не существует. Новая, стало-быть, теперь власть.

— Опять власть. Когда-же конец то будет—

- Жили, как живем
- Был старшина, стал председатель—один черт.

— Да тише вы, черти—закричали другие; говори Иван.

— Кака у нас власть—кулаки. Выбирай других. Вот Филипп из города приехал, там, слышь, уж давно всех спихнули

- ак-бы чево не случилось?
- Оштрафуют еще.
- А то и в кутузку посадят.
- Нет, граждане—мужики, этого не будет—надрывался Иван: конечно ихнее царство
- А у тебя отец то разве не царь—крикнули из толпы.

- Солдаткины деньги ворует.
- Взяточник!
- И отца долой.
- И отца долой—проговорил кто-то за ним.

Иван обернулся. Тяжело дыша, вращая налитыми кровью глазами, стоял Поликарп Петрович.

Сын и отец, как два быка, замерли на месте. Толпа так-же остановилась гудеть.

— На каком основании собрание?—вдруг крикнул на толпу Поликарп Петрович.

— Да мы ничего.. вот звонили—попятились передне.

— Звонили. Управы на вас нет, думаете. Сейчас пошлю в город. Начихвостят задницы-то, будете знать...

— Ну, этого не будет—перебил сын и, забравшись на решетку, звонко крикнул в толпу: мужики, можете ли верить нам—указал он на своих товарищей: только добра желаем. Везде и всюду сейчас выбираются советы...

— Ванька, замолчи, проклятый!—замахнулся кулаком Поликарп Петрович.

— Смотри, отец, волю рукам не давай—грозно сверкнул глазами Иван.

— Да чево там, разоидемя—заговорили в толпе.

- Погоди, може и правда.
- Прыткий какой, в город, грит, пошлю.
- Не таковские мы!
- Морду ему набить.
- Говори, Ванюха.
- Нечего говорить больше. Желаете новую

власть?

- Желаем, чего тут.
- Не желаем. Не надо. К чорту.
- Молчи ты, живодед.
- Кто за новую власть, поднимай руки.

Лес рук.
— Все значит. Айда к волостному. Выборы, значит, производить.

Все двинулись. Впереди Иван и кучка других солдат. Кто-то из них начал неслышанную доселе в деревне песню:

„Вставай, проклятым заклейменный“.
Как-то безотчетно все подхватили звуки этой мощной, зовущей к чему то песни. Хотя трудно было различить слова, но сила их сказывалась в бодрых криках и веселых лицах.

А у церковной ограды одинокий, сумрачный стоял Поликарп Петрович, смотря вслед уходящей толпе и... власти.

ДЕШЕВЫЙ СЕЛЬСОВЕТ.

Один сообразительный сельсовет, ощущая недостаток в орудствах, продал школу.

— Почему бы им заодно и самый сельсовет не продать?

Видно, за что не берет. Говорят, такой сель-

С О Н.

Во многих местах кулаки и попы
ждут спасения от оппозиции.

(Из газет).

В жарко натопленной горнице пахло кислой капустой. Сосипатр Иванович и поп Лука допивали третью бутылку, а хмель не забирал. На четвертой бутылке Сосипатр плюнул и, растирая плевков, проговорил:

— Вот стерва. Во рту жжет, а в голове хошь-бы што. Кажись, на первач гнал.

— А ты попробуй огоньком, — посоветовал поп.

— И то правда — подтвердил Сосипатр. Зажгли — горит. Значит, градусов 40 есть.

— Я думаю от политики это — проговорил поп: больно политики у нас много, в головах-то. Хе-хе! Вот теперь, скажем, с Троцким-то какой конфуз. Баят, ево власть-то будет.

— Дай ты, господи милостивый, — перекрестился Сосипатр. — Хоша он и еврей, а, сказывают, нашу линию гнет.

— Прямо в точку, — с живостью подхватил поп. — Богачу, бает, в деревне почет и уважение.

— Ишь ты, — восхищенно крикнул Сосипатр. — Первейший ум в стране.

— Голова, — одобрил поп. — Подлей-ка еще. Начинает гудеть.

На пятой бутылке поп гнусавым голосом затянул:

— Благодарственное и мирное житие... Льву Давидовичу и чадам его...

На шестой оба свалились на пол и, обнявшись, уснули в капустном рассоле.

И приснился Сосипатру сон. Будто-бы он — не он, а председатель волисполкома. И будто-бы стоит он на трибуне и речь говорит, а вокруг народу видимо-невидимо. И видит Сосипатр скачет к нему милиционер на лошади и вашим благородием величает:

— Приказано вам, говорит, в Москву ехать, чтобы, значит, поучить, как торговать нужно. Без вас, говорит, дела совсем нейдут.

А в это время на колокольне в пасхальный перезвон ударили и сам поп Лука в ризе идет с народом и крестом благословляет.

— Спаси, говорит, Сосипатр Иваныч. — Поезжай, помоги Троцкому Россией править.

Махнул рукой Сосипатр.

— Ладно, мол, понимаю.

А народ на колени перед ним и „боже, царя храни“ поет.

На том и проснулся Сосипатр. Приподнялся, вся рубаша в капусте, борода в грибах и слышит поет кто-то, да так громко, что не выдержал Сосипатр, подошел к окну и выругался.

На улице, от исполкома народ валит с флагами и поют:

Вставай, проклятьем заклейменный..

Толкнул Сосипатр попу под бок.

— Что это, говорит, расходились сегодня?

Поскреб поп в затылке, перекрестился, плюнул и ответил:

— 9 лет своей власти празднуют, собачьи дети.

Д. О.

Справедливый приговор.

Кр-не дер. Мартемьяново По-
чинок поймали С. Иванова с
ворованным лесом и тут-же
пропили этот лес.

Слепень.

Было дело очень просто, как-то раз в погожий день, Иванов в соседней роще повалил зачем-то ель.

Мужики, увидя, миром загалдели: братцы, вор! И в лесок несутся живо и выносят приговор:

— Как ты смеешь, черт пархатый, расхищать народный лес. Мы тебя за это хватим так, что, лопнет даже бес.

Гул несется, в лесе тонет, расходились мужики, коль не знали-б, о законе заходили-б кулаки.

Покричали, поругались, и улегся страсти пыл, поругавшись, так сказали: не вернешь, что ель срубил.

И решили тут-же миром: ель пропить, чтоб без греха, и послали тут-же живо за самогонкой старика.

Разговоры в вике.

Бычихинский вик обеспечивает бесплатно квартирой и отоплением предвика, членов вика, почтара, жен-организатора и агронома.

Местный.

— Жарко, небось, было, когда волбюд-жет утверждали.

— Нет, не особенно. Вот зимой тепло будет.

Сын достойный своего отца.

Учитель. А ну, дети, скажите, кто самый замечательный человек в СССР?

Ученик (сын кулака). Мой папа.

Учитель. Почему?

Ученик. Да потому, т. учитель, он торгует, а патента не имеет.

Дорогие гости.

Вышло совсем просто.

Перекрестившись на облезлый образ „спаса“, дядя Михайла снял валенки и стал не торопясь взбираться на печь.

Только занес он левую ногу с приступка на теплую печку, как под окном громко застучали палкой.

— Михайла, слазь, на сходку кличут,— сказала жена, ворочаясь с горшками у печи.

— Провало! На сходку! Ишь, черти, поспать не дадут порядочному человеку.

И дядя Михайла, ругаясь и охая, стал вновь обувать валенки.

С этого все и началось

***

Когда Михайла пришел на сходку, в тесной избе стоял дым столбом от крепкой махорки.

— И вот, граждане—товарищи, читал силым голосом председатель сельсовета Тимоха Роцин. Получено из города приглашение, и пишут городские товарищи, чтобы мы им прислали двух человек на праздник, вроде в гости..

— Поезжай ты, Тимоха! — крикнул кто-то из-под полатей

— Товарищи, невозможно! Я-ж сельсовет и на мне лежит вся текущая работа...

— Правильно! Нельзя Тимохе. Другого надеть!

— Кузьму-красноармейца! Кузьму!

— Ставлю на голосование. Кто за Кузьму, подымай руки!

Вырос целый лес поднятых рук.

— Товарищи, а как же другого? Чай двух просют!

Сход единодушно поскреб опущенными руками в затылках.

— Рази Михайлу послать! — Робко предложил кто-то.

— В-во! Верно! Михайлу!

И сход, дружно голоснув, выбрал Михайлу гостем в город

***

На вокзал Кузьма с Михайлой пришли на третий день, так как от ихней деревнюшки до вокзала 120 верст. Всю дорогу прошли они молча, изредка закусывая черствым хлебом с солью и ночуя в деревушках, попадавших по пути.

На вокзале Михайле все показало до удивительного необычайным. И в первый раз им виденные вагоны, и тяжело вздыхающие паровозы, и высокая водочка, и железная дорога, и все, все...

А когда он робко вслед за Кузьмой взобрался в вагон, и паровоз, дав пронзительный свисток, лихо дернул состав, его бросило на стенку и, не удержавшись, он упал навзнич.

Кузьма засмеялся:

— Поехали!

— И впрямь, сказал, поднявшись, Михайла и, глянув в окно на убежавшие кусты и поле, раскатисто и громко рассмеялся.

— Чему ты? — Спросил Кузьма.

— Милай, Кузьма Иваныч, ведь едем?

— Ну, едем!

— Как это, все шли и вдруг едем?

— Да так!

Михайла вновь уткнулся в окно, от которого не отрывался уже до самого города.

***

А в городе еще удивительнее

По адресу, взятому Кузьмой, быстро нашли тот завод, куда их звали в гости.

Пришли в завком и представили от селения бумага.

— Гости! Дорогие гости! — Заричал человек, читавший бумага и, горячо обняв обоих, расцеловался с ними.

— Што он нам, родственник што-ли? — спросил Михайла Кузьму.

Кузьма улыбнулся.

А человек, обнимавший их, уже в это время схлопотал чай и закуску и привел таких-же, как он, людей, которые также горячо обнимали Кузьму и Михайлу:

За чаем расспросы, разговоры.

— Как у вас там, многополье или трехполка?

— Трехполка! В-во! — Скоропалительно отвечал Михайла, а сам думал: „Откуда это они знают?“

— Кулаки, чай, жмут?
— Верно! Жмут. Образуют—и разденут и разуют. Одно слово—кулаки.

Кузьма и хозяйева улыбались все время, а Михайла горячо рассказывал о своем житье-бытье.

Вечером пошли в театр.

***

На другой день еще необычайнее.

С утра заиграла музыка, понесли красные знамена и запели песни.

Михайлу с Кузьмой посадили в автомобиль и повезли по улицам. А на улицах народ идет ровными рядами, несет знамена, поет. Поют и Кузьма с Михайлой.

Потом прошли красноармейцы, кричат ура! И опять музыка. Качали Михайлу. И — много, много всего—не перескажешь

А к вечеру на другой день, нагрузив гостей подарками и газетами, рабочие проводили их на вокзал.

***

Домой Кузьма и Михайла пришли на восьмой день.

Сидя в своей хате под облезлым „спасом“, Михайла долго объяснял жене о том, как они ехали, как их угощали, что говорили.

— И вот, говорит мне один на-больший комиссар:

Михайла важно взглянул на жену...

— Передай, грит, своей бабе подарок, на сарафан ситцу и платок...

Аксинья, взглянув на мужа, зарделась, Михайла улыбнулся.

А ночью, во сне, ворочаясь с боку на бок, Михайла часто шептал:

— Гости дорогие! Гости!

И чему-то опять улыбался.

И. Новомирский.

Заставь дурака богу молиться..

В д. Лыщево, Ильинской вол., были устроены красные посиделки. Молодежь на посиделках танцевала и целовалась.

Ф. Г.

Новый это быт иль старый? Никому здесь не понят... Вместо книг и лекций,—пары! Продолжают танцевать.

Режим экономии.

— Знаешь? Степан режим экономии соблюдает!

— Как?

— Да уж год не платит членских взносов в комитет взаимопомощи..

У разбитого корыта.

Германское правительство удовлетворило просьбу Вильгельма (б. царя) и „возместило ему убытки, причиненные революцией“, отдав много земель, имения и крупную сумму денег.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Вот что значит культурные люди—они и революцию по культурному делают. А у нас в России совсем наоборот. 9 лет прошло, а хотя бы штаны прислали.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ЧАСТУШКИ.

Шпарь, Николка-безобразник,
На тальянке ты не зря:
Ведь у нас сегодня праздник
— Годовщина Октября.

* * *

Говорил нам поп наемни:
— Жалко вас мне, мужики,
Приходите за обедню,
Приносите пятаки.

* * *

— Ишь, взяла каная жалость!
Ну, да это, чай, не зря.
Много-ль батюшка осталось
Прихожан от Октября?

* * *

А нулан-то, Тит Егорыч,
Видит, праздник не с руки...
— Обождите, черти, скоро,
К власти станут меньшани!

* * *

Эх ты, Тит! Какой раззява,
Воду в ступе не толки.
Глянь налево, глянь направо:
— Большевиcтские полки.

* * *

Громче, громче шпарь, гар-
мошна,

В голосистые меха.
Широна теперь дорожна
К Октябрю от новых хат.
А. З.

В нарсуде.

— И не стыдно вам, товарищ,
поднимать руку на жену?

— По привычке, товарищ судья.
поднимается — часто голосовать
приходится...

В. Д.

Тит Пузилкин.

Вот, позвольте познакомить:
До сих пор здоров и жив,
Любит больно экономить!
На карманах на чужих.

Тит Ивановч Пузилкин
Торговать был раньше спец,
Ну, а нынче в потребилке
Заправляет наш делец.
Как по маслу все делишки—
Ездит в город на базар,
И сдает туда излишки—
Потребительский товар.
Он с купцами шуры-муры,
Те ему дают кредит.
С бедняка содрать 3 шкуры
Ему очень не вредит.
Ревкомиссии тут дело—
Разбралась бы скоро та,
Да беда—вдруг окривела
И напала глухота.

Только раз про потребилку
Написал в журнал Селькор,
Что заведущий Пузилкин
И мошенник, мол, и вор.
Зорек глаз у прокурора,
Райсоюз с делами скор,
И в село без разговора
Прикатил вдруг ревизор.
Тут уж хитрость не поможет,
Не упрыгнешь далеко,
Выдает делягу рожа
Да солидное брюшко.

Притащили враз все книжки,
Посмотрели по счетам,
Разом всплыли все делишки
Из завлажкой тарарам.
Не беда-все пальцем кажут,
Да беда, что прокурор
Взял голубчика под стражу
И в нарсуд его попер.
Там судили и рядили,
Но вора пощады нет,
И делягу присудили
Отсидеть пять полных лет.
Пусть сидит, другим наука,—
Это делу не вредит.
Эй, сельнор, возмись-на, ну-на
Всех воров переловить.

Самогонщик, поп, нулан.
Одного все теста
Наш журнал „Бороний Зуб“
Им унажет место.

Сельнор А. Г-в.

Д. Налескино Сараев. вол.

КАК ТИТ СЕМЕНОВИЧ РЕВОЛЮЦИЮ ЗАЩИЩАЛ.

По его словам

.. Взял я красный флаг
И прямо на урядника.
— Довольно, говорю, вставай
Проклятьем заклеянный.

На самом деле.

— Выпьем, господин урядник,
За батюшку царя!
— Выпьем, Тит Семеныч, ха... ха...

— Тоже вот в комитете бедноты
Я был. Всем пролетариям
Помощь оказывал.

И без слов понятно... Тащит
Тит из комбеда мешок муки,
Что для неимущих собрали.

По дороге с громом—чikanьем
 Ехал барин, поп, кулак
 И неслись по весям д кие
 Песни пьяные гулен.

Где проедут—горе слышится
 Плач, да стоны, тут и там,
 Лишь сурово лес колышется
 Внемля в думе мужикам.

Но прошли и в вечность канули
 Лихолетья для крестьян
 Новых дней мы песню грянули,
 Смыв веков гнилой обман.

Где та удаль „молодецкая“
 Поп, да барин где теперь?
Конституция советская,
К власти им закрыла дверь.

Передовой авангард.

— Удивительно, Митрич, все на свете делается. Вот, скажем, идем мы с тобой по деревне, впереди вывеска, а на вывеске обозначено:

А в самом деле это не чайная, а сплошной натуральный обман.

— Как так?

— А очень просто! Вот увидишь, когда придем.

И дядя Егор потянул меня за полу в чайную, которая, по его словам, была сплошной обман.

Войдя в чайную, битком набитую народом, под шум и гам, я с трудом разглядел убогого старичка, сидевшего в углу и гревшего руки о чайник с кипятком.

Что же касается остальной публики, то, как я ни шарил глазами по столам, ни чайников, ни чашек не заметил, зато заметил на каждом столе по несколько бутылок с водкой.

— Ну, не обман-ли это? — спрашивает меня Егор, а сам под бок толкает. — Нишкни, — говорит, — сейчас представление начнется.

Затаил дыхание, молчу.

Вскоре встает здоровенный детина из-за стола и говорит басом, от которого стекла в окнах зазвенели:

— А ну, кто желает померяться со мной силой?

Толпа ни звука. А я, по своей глупости, Егора тихонько и спрости:

— Кто это? Чемпион какой, што-ли?

— Сказал тоже. Челпиён! Да это член правления нашей потребилки, Егор Иваныч Соснин, мой теска.

А теска, заметив, что мы шепчемся, подходит и берет меня за ворот:

— Давай, говорит, сопливый, поборемся?

А тут какой-то дядя выскакивает на мое счастье и говорит:

— Давай!!!

Берет тогда Соснин этого дядю поперек живота и кидает на пол.

Публике весело, в ладоши хлопают, браво кричат.

А буфетчик, бестия, вытащил из стола червонец и крикнул:

— Кто поборет Соснина, тому червяк отдаю и чаем поить бесплатно буду!

Еще один дурак нашелся:

— Согласен, говорит, давай деньги!

Только он протянул руки за деньгами, хватает его Соснин за ноги и ну махать живым человеком по чайной. Как махнет раз, так трое и с ног валятся.

Через недолго истрепался этот чело-вечишка, вроде швабры, тогда берет Соснин скамейку и ну крошить направо и налево.

Публика врассыпную. Которые проезжие на лошадях были, отвязали коней, да вскач. Мы с Егором тоже. Отбежали полверсты, отдышались, Егор и говорит:

— Вот какой в нашей деревне передовой авангард имеется. Может на всю республику один. Поедешь в город, — не забудь, поищи ему местишка!

Промолчал я. Есть у меня место одно на примете, да уж больно тепло насыщенное, — в конце Советской улицы.

Митрич.

Огнетушитель системы д. Торопово.

Кр-не деревни Торопово, Курновской вол., Галич. у. пожарной машины не имеют, а всецело полагаются на милость божью.

Недавно они на молебен ухлопали 50 руб.

Хорошо живут не тужат,

Богу лишь молебны служат.

Поп-же весел, добр и пьян:

Плывут денежки в карман.

„ЗАКОНОВЕД“.

— Ты, брат, со взятками осторожнее будь. Знаешь, какая это статья?

— Знаю! Доходная.

ДВЕ РАЗНИЦЫ.

— Какая разница между кассиром и приговором?

— Кассира можно приговорить, а приговор кассировать.

Загвоздка.

Поп и дьякон села Ферапонт, Шуш-кодской волости, сидели в горнице и пили чай с вареньем.

— С кормами, отец Иван, плохо, — жаловался дьякон, допивая десятый стакан чая, — коровенка у меня совсем отошла...

— И у меня, дьякон, тоже — говорит отец Иван, мешая ложечкой варенье, — и у меня!

— Как быть-то, батюшка? — вопрошает дьякон.

— Не знаю, — отвечает отец Иван, — видит бог не знаю.

Взошла попадьа и принесла тарелку горячих блинов.

— Горячие блины-то, отец Иван?

— Горячие, отец дьякон!..

— А с кормами-то, батюшка, все ж таки плохо!

— Плохо, дьякон.

И оба задумались.

До чего-бы они продумали — неизвестно. Но только влетевшая пробкой попадьа прервала их раздумье истошным криком:

— Батюшка, Иван Васьяныч!

— Что! — Встрепенулся батюшка.

— Скотина-то наша... В крестьянское поле попала!!!

— А моя коровенка? — Встрепенулся дьякон.

— И твоя дьякон, и твоя...

Дьякон истово перекрестился.

— Чему ты! — Спросил удивленно поп.

— Как-же, батюшка! Все горевали с кормом плохо, бог-то и увидел, помог нам, грешным...

— Оно так. Беды-бы не было только?

— А с чего ей быть! Крестьяне — народ темный..

— Так как-же, отец, скотину-то выгонять, что-ли? — спросила попадьа, убирая чашки.

— Повремени малость. Пусть поест озимой отавки.

И отец Иван лукаво перемигнулся с дьяконом.

* * *

На другой день батюшку и дьякона вызвали на сход.

— Вот что, батюшка, — сказал председатель схода, постукивая карандашом по бумаге, — вас придется оштрафовать.

— За что это? — Удивленно разводя руками спросил отец Иван. — Уж не в пользу-ли беспризорных?

— Вечно нападают на наставников духовных, — пробасил дьякон.

— Скотина ваша потраву озимых произвела, вот за это и штрафуем, — сказал председатель.

— О, господи, — перекрестился батюшка, — а я думал что... Ну, тут мы, православные, не причем. Скотина потравила ваше поле — ее и штрафуйте!

— Скотина, тварь бессловесная, бессмысленная, как ее штрафовать, — под-сказал дьякон.

— Оно так! — подтвердил поп.

Сход единодушно заскреб в затылках.

— Так как-же быть-то? Спросил председатель крестьян.

— Не знаем! Хором ответило собрание.

— Все равно, православные, мы платить не будем...

В это время к председателю впопы-хах подбежал мальчишка.

— Дядя Федор, попова скотина опять в поле попала!!!

— Ну вот! Видите, православные, — сказал отец Иван, — мы на сход, а скотина в поле. Нешто мы виноваты. Не будем платить. Видит бог — не будем!!!

— Не будем, — пробасил дьякон.

Вопрос остался не решенным до дру-гого дня.

И до другого дня скот отцев духов-ных гулял по крестьянской озими и по-правлялся.

Исадский.

Разговорная.

Едем с поля мы; обычный разговор:

— Как дела-то?

— Все пахали, кум Егор?

— Все пахали?

— Ну, а что ж нам не пахать.

Будет праздник, так и будем отдыхать.

Уродилось. Урожай не в проворот.

Разговоры разговаривал на од:

— Урожай-то, больно понеча хорош!

— Яровые?

— Не! Не только, но и рожь..

— Эх-хе, боже, нам за наши-то грехи!..

— Уродил, брат...

— Эх-ха-хи, ха-хи, ха-хи!..

Снова с поля. Только кум Егор озяб.

Время — осень, а пахали мы на зябь.

— Сял чем, кум?

Сортированным зерном...

— Где достал-то?

— Научил, кум, агроном...

Научил, как урожайность нам поднять,

Вот и праздникек отпразднуем на ять.

Едем с поля, —

Лемехи у нас в грязь!..

— Ну-ка, что ли,

Год десятый —

Вывози!!!

И. В.

Сознательное животное.

ЛОШАДЬ: Вот и поднимай хозяйство, когда хозяина-то самого поднимать надо.

У Еремы хата с краю.

Здание, в котором помещается Сретенский вик, старое, крыша прогнила и столы сотрудников заливает водой.
Крестьянин.

Как у виковских ворот
Бродит толпами народ—
Батюшки!
Крикнул Сидор караул!!!
—Кто-то в вике потонул—
Матушки!
Бросив книги и дела
Поплыл бедный от стола—
Батюшки!
В исходящий занесли,
Но от смерти не спасли—
Матушки!!!

— У нас на сходе всегда кулаки
вверх берут.
— Да ну?
— Да. Без нулачного боя ни одно
собрание не обходится.
Алек-гор.

Пьяный пред — крестьянам вред.

При передаче земли в д. Кракино, Холмовск. вол., председатель Митинского сельсовета хотел ударить гражданина Голубева. Пред был пьян.

Если пьян, держись скромнее,
Лучше-же совсем не пей.
Будь теперь, браток, умнее,
„Бороне“ на зубья сел.
„Борона“ не любит пьяных,
Зуб им в спину жарит свой,
А таких бы предов рьяных
Гнать с работы всех долой.

Вспомнил.

Председатель сельсовета (жене):—
Марья, скорее вынимай огурцы из
пожарной бочки, а то в Шурыгин-
цах изба занялась... Горит.

Небесная птица — МЫМРА.

Закупщиком Яковлевского ЕПО, Сидоровской вол., состоит поп. Батя несколько раз нанимал возчиков за товарами и не платил им ни копейки.

Еще мало, что над нивой
Распростер свою ты длань.
Так и тут ты, долгогривый,
Собираешь себе дань!..
Эх-х, чего же смотрят члены
На святейшего спеца...
Раз бы поддали коленом,
Проводивши до крыльца.

В конторе.

— Скажи, родной, где твоя
точка зуб выписывается?
— А ты что, читать, что-
ли хочешь?
— Не... зубы у меня все
вывалились, есть нечем.

Два хозяина.

Жили два соседа. Ну скажем, к примеру, Егор да Степан. Земли у обоих было одинаковое количество и семьи тоже одинакова. У Егора пять душ и у Степана пять душ. Егор был мужик тихий, на разговоры не податливый, целый день что нибудь да делает. Если не в поле, то во дворе: то колоду новую делает, то в хлеву щели затыкает. А Степан, как только свободное время, где нибудь да бегает. То у пожарного сарая, то в чайной. И разговоры у него все умные. Газет хотя он и не читал, но новости свежие из первых рук получал. Была у него связь хорошая, — какая баба из другой деревни ни придет — Степана не минует.

Бывало сойдутся два соседа и разговариваются.

— Ты что это, Степан, парто не вспаханным оставил? спросит Егор.

— Да некогда было. Сам знаешь пора-то какая. Слышь в Китае война, да и в Англии не спокойно. Бают, на нас войной идут.

— Бреши. Никто на нас и не думает идти воевать. До нас-ли, коли у самих неспокойно.

— Опять-же в Чугунове икону новую привезли — три дня ходил. Нельзя. Вот оно так и вышло. А потом у свата на свадьбе три дня гулял — отказаться, обидится.

Вот так поговорят да и разойдутся.

Глядь, поглядь, зима на носу. У Егора все обмолочено, провеяно, а у Степана в поле стоит. Егор уже к весне готовится, а Степану в пору лошадь продавать, потому как корму нет.

Егор на выставке награду получил, а Степан в комитет взаимопомощи пришел.

— Ссудите, товарищи, деньжатами. Не родит земля, пусто бы ей.

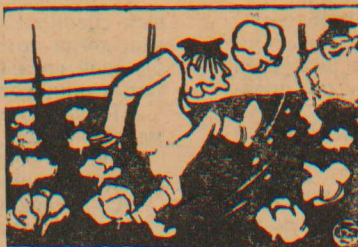
ХУЛИГАНЬЕ.

По дороге за околицей,
Визг гармошни, громкий мат,
Все живое вмиг хоронится —
Хулиганов прется рать

По дороге стог чернеется.
— Зна, братцы, благодать!
Зажигай ребя, погреемся, —
В бога, в веру, в сердце мать!

Огороды удаль ведают,
Треск несется тут и там,
Огородными победами
Любит хвастать хулиган.

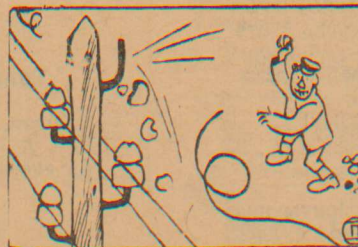
Вот старушка шьется тропкою.
— Стой, хватай, лови, дави!
И бутылка вместе с пробкою
За старушкой той летит.

Скот гуляет: дело новое.
Загоняй, ребята, в рожь,
И по полю за коровами
С гиком мчится молодежь.

А в деревне, с диким уханьем
Под гармонистую трель,
Обозвав хозяев суками,
Детгом вымазали дверь.

Хулиганской силы, удалы,
Хватит горы своротить,
Телефон попался Хули-

А воз и ныне там.

Два месяца тому назад, крестьянами д. Щапово, было возбуждено перед Башутинской волземкомиссией дело о скосе отавного клевера. Комиссия дело не разобрала и клевер занесло снегом.

Вот и сей тут корнеплоды,
Улучшай луга и двор!..

Коль засели в вик уроды,

— СЛОВО и ДЕЛО. —

Праздничный летний день клонится к вечеру. Грустный, опечаленный ходит по селу Притыкину молодой избач Полудин, и на губах у него змеится скорбная улыбка.

Три месяца писал он в волполитцентр дутые отчеты, сообщал, что „дело налаживается“, „интерес растет“, „работа оживает“, и вот поди-ж ты!..

Изба-читальня всеми покинута, а он, Полудин, ходит по пустынному селу в одиночестве, заложив руки за спину.

— Пусто, одиноко сонное село!—шепчет опечаленный Полудин.

Нет, не пусто, не одиноко; своя деревенская жизнь бьет ключом: на поляне за селом, где так хорошо пахнет примятой травкой, захлебывается от восторга гармоника, слышен девичий визг, бойкая задорная частушка, хохот парней и топот крепких ног о родную землю.

— Отсутствие умственной самотренировки и зловая несознательность—брезгливо морщась, сквозь зубы, говорит всеми забытый избач.

Но где же мужики, степенные хлеборобы? Какие общественные дела разрешаются хозяевами обновленной страны в этот мирный летний вечер?..

В избе Ивана Кузьмича Архипова, по прозвищу Кривуля, людно, шумно, весело.

Избач Полудин незаметно проскальзывает в полуоткрытую дверь и скромно становится в полутемном углу.

За столом стоит сам Архипов, рыжий, с веселым глазом и с другим, задумчиво закрытым веком. Около него Петька Котылев, бойкий звонко-голосый школьник стоит на табуретке с пачкой бумажек в руке. У мужиков оживленные раскрасневшиеся лица. Сизо от махорки. Тускло светит семилейка. Душно.

Из толпы слышен голос:

— Валай, Петька, следующую!..

И Петька звонко читает:

„Дано сие свидетельство гр. села Притыкина Ивану Кузьмичу Архипову в том, что у него обнаружена ссадина величиною в десять сантиметров на левом предплечье, кровоподтек под левым глазом величиною в медный пятак, рваная рана на локтевом сгибе правой руки и припухлость поясницы. Все означенные повреждения причисляются к легким. Врач Обокинского медпункта Чубаров. 9 мая 1922 год.“

— Это, надо быть, когда меня Петухов колом по спине хватил—поясняет хозяин избы.—С колом налезает, а за что?.. Что я его не похвалил?.. Сами в толк возьмите—одно дело с бабой поругаться, а другое—измываться... А он что тогда сделал,—прямо надругался: на возу стоит, а ее, нехорошо сказать, поливает... А баба не моги с места сдвинуться—изувечит!.. А только и ему досталось тогда.

— Не-ет, не из-за Петуховой Матрены, из-за нее, я хорошо помню после троицы было... А это из-за пастуха дело произошло: пастух шибко скотину бил, а Петухов за него, не разобрав дела, заступился...

— А может и так—соглашается хозяин.

В толпе крики:

— Жарь, Петька, следующую!..

И снова Петька звонко стчитывает:

„Дано сие свидетельство гр. села Притыкина Архипову Ивану Кузьмичу в том, что у него обнаружен надлом ключицы и перелом седьмого левого ребра. Означенные повреждения причисляются к легким. Врач Обокинского пункта Подоконская. 29 июня 1923 года.“

В толпе оживление. Шум, раскат. Слышны

— С чего это у тебя, Кузьмич, вышло тогда?.. Погодь, дай вспомню..

— Это с Плешаковым, надо быть, произошло у меня из-за красноармейки Дарьи.

— Не-е... То по осени было, на воздвижение... А это, други, летнее дело... Э, я болтаешь!.. Это я твердо помню—покосное дело, с Разродновым. Кузьмич его ночью накрыл: с общественного луга Разроднов воз травы накосил и вез к себе.. Ну, и вышла склока... Вез хмеля во хмелю!..

— Правильно!.. Верно!.. Это с Разродновым.

— Шпарь, Петька, следующую!..

И снова звонко-олосый Петька отчитывает свидетельство за свидетельством: кровоподтеки, ушибы, рваные раны, ссадины, а одно уже посильнее других—выбит глаз.

Архипов самодовольно поглаживает рыжую бороду, его глаз весело мечется по избе. Возбуждение растет. Лица у собравшихся потные. Глаза блестят.

— Молодец, Кузьмич!.. Тогда с самим Чекановым сцепился!.. Как же... Отряд к Митюшину отшел, когда тот на свадьбу гнал. А почему? Чтобы свой грех покрыть: для города чанице заварил, сукин кот!.. А Матюшова ввалил...

Полудин незаметно выскальзывает из избы и медленно идет, опустив голову.

Мигают копотные огоньки в избах, мерцают звезды на широко раскинувшемся над селом небе.

А у Полудина не сходит с губ горькая усмешка. — Целая пачка медсвидетельств, не меньше дюжины!.. И ни одно не использовано.. На человеке живого места не осталось, а он хоть бы что... И в суд не подавал.

Полудин стоит в раздумьи. Двое крестьян нагоняют его, и один из них говорит:

— А, наше вам почтение, товарищ!.. А ты что же к Кузьмичу не зашел?.. Или неповадно с нами?..

— А ему зачем итти... Он чужак—гадается понурый голос.—Ему наших делов не понять.

— Нет, отчего же... Я заходил послушать... — Смущенно отвечает Полудин—только все это непонятно... И жаль Архипова.

Мужики смеются:

— А чего его жалеть?.. Мы его уважаем, потому он за мирскую правду стоит... Кузьмич зря не дерется!..

— Это правильно, Кузьмич порядки на селе у нас наводит без суда, без волокиты...

— А за правду и побитым быть лестно!..

— Кузьмич первый борец на селе!.. Поди-ка сунься, он тебе задаст гону, ежели что...

Мужики отошли, а Полудин все раздумывал:

— Пусть метод Архипова и нелепый, но идея, пожалуй, правильная: не одно лишь слово... Но и дело. Слово и дело.

К Милль Полярный.

Товарищеский разговор.

— Слушай, Иван, ты вчера ко мне не заходил?

— Нет. А что?

— Да вчера у меня лошадь украли.

Помогите.

— Товарищи и граждане! Поможем нашим кооператорам встать на ноги...

— А что?

— Да так напились, что ни встать, ни языком

БОРОНЬЕ РАДИО

Жертва долга.

Шишкино. Местный милиционер Круглов, ездивший по волости для борьбы с самогоном, героически пал на поле сражения и доставлен в милицию.

Первая ласточка.

Борщино-Коряковск. Первой ласточкой, погибшей в снегах нового урожая, оказалась молотилка местных крестьян, которая ими брошена под открытым небом.

Новый вид наказания.

Леоново-Башутинск. Крестьяне на последнем собрании постановили: за нарушение постановлений общества, с каждого провинившегося брать 1 бут. самогона.

Мощи появились.

Песочни Левашевск. Из келий местного монастыря стали появляться мощи, еле стоящие на ногах. По слухам, в кельях работает несколько самогонных заводов.

Новый вид топлива.

Никитино-Митинской. В село прибыл новый поп, который нагреет прихожан за зиму не хуже русской печи.

Чудовищный аппетит.

Давыдово - Сидоровской. 50 пудов сена, заготовленного общественному быку, крестьяне пропили в один день.

Увеличение бюджета.

Мишково-Заозерной. Местный райпред, желая увеличить свой бюджет, за удостоверение каждой повестки берет с крестьян по 10 копеек.

Радио — дьякон.

В Яхнобольской вол. есть дьякон, который обслуживает один два села, Никольское и Говеново. Расстояние между селами 25 верст и дьякон работает по недельно. В обоих селах дьякон на крестьянские деньги построил себе по дому.

Вот чудесные дела-то!

Ну и штука!

Их-хи-хи!

Там и тут колокола-то,

— Дьяк, замаливай грехи!!!

Дьякон что, он вам замолит,

Только крепче уважай...

Здесь урежет, там посолит,

Ну, глядишь, и урожай...

Тут и там домов настроит,

Тут и там пойдет доход...

Это чтонибудь да стоит

Для люб...

Между делом.

Литературная задача № 3.

Угадайте, у какого писателя и в каком произведении есть слова: „как в Ярцеве комиссар, комиссар—настоящий лейб-гусар, лейб-гусар“?

Даны четыре слова

они

дни

ехали

вечером.

Напишите четверостишие, с тем, чтобы каждое из этих слов непременно встречалось в строке, вначале, вконец или в середине.

ТОВАРИЩИ СЕЛЬНОРЫ И ЧИТАТЕЛИ

„БОРОНЬЕГО ЗУБА“, шлите в редакцию „Зуба“ стихи, фельетоны, рассказы и рисунки.

— Митревна, ты куда торопишься?

— В Борщинское общество потребителей. Слышь, одному мальчонку в баранке иголка попалась. Вот я и думаю, не попадет-ли мне швейная машина.

Об'явления.

Ищу крест, потерянный мною во время пьянки. Священник Троицкий, с. Романцево, Личурговской волости.

По случаю того, что зав. Коряковской потреббилкой Малявин участвует в церковном хоре, торговля будет производиться в неопределенное время.

Для любителей выпить вновь открыт шинок в д. Осиновец-Слобода, Левашевской вол., у В. А. Беспалова.

На ходу спит счетовод Петряево-Ильинск. кооператива, О. Раевская. А были случаи, что и на службе спала.

Компаньон нужен с приличными средствами для расширения самогонного производства П. Е. Кривошеину, в д. Песочни, Левашевской вол.

Крашу бесплатно лица всем желающим в красную краску. Известный хулиган К. Гусев, д. Ключи, Галичской вол.

На хранение взял пожарный инвентарь староста дружины Е. Шахов, из дер. Коницево, Красносельской вол., а потом продал.

Дешево и сердито продается вино, только много пропито, ну, да все равно. В Армянской чайной еще найдется. Зайти случайно — опять придется.

Быть счастливым кто захочет, пусть Бороний „Зуб“ читает

У Федорки на все отговорки.

Налог поступает слабо.

[Из газет].

ЖЕНА — Ну, вот, картошку продали, теперь можно ситчику купить и налог уплатить.
МУЖ. — Так-то оно так. Только Михайлов день на носу да и Никола милостивый близко. Не справишь — угодники обидятся.